

Наступил тот самый темный, самый тяжелый час ночи, когда город пустеет, когда почти все его улицы вымирают и даже редкого прохожего не встретишь на них. В этот час длинная черная машина свернула с Обводного канала, проехала пару кварталов по Лиговскому проспекту, заехала в неприметный переулок и остановилась возле глухого высокого забора, огораживающего заводскую территорию.

Мотор затих, и наступила ничем не нарушаемая тишина.

Трудно было поверить, что совсем недалеко отсюда находится Невский проспект, где даже в такой поздний час людно и оживленно, где светятся витрины ресторанов и ночных клубов, где тысячи людей снуют в поисках новых знакомств и новых впечатлений.

Дверца машины открылась, из нее вышел довольно высокий и плотный человек с длинным лицом и наголо выбритой головой. Оглядевшись по сторонам, он подошел к заводскому забору. Еще раз оглядевшись и убедившись, что вокруг нет ни души, он нажал на какую-то незаметную со стороны кнопку, и в глухом заборе открылась маленькая калитка.

Бритоголовый мужчина проскользнул в нее, слегка пригнувшись, и закрыл калитку за собой.

Теперь он находился на заводской территории.

И он был здесь не один...

Со всех сторон его окружали безмолвные неподвижные человеческие силуэты, выступавшие из темноты, тянувшие к незваному гостю руки, — разного роста, разного телосложения, молодые и старые, бородатые и безбородые...

Это был не обычный завод. Здесь делали не токарные или фрезерные станки, не детали автомобилей и тракторов, не дешевую стандартную мебель, не медицинское оборудование, не строительные материалы, не оружие.

Это был знаменитый завод «Монументскульптура», созданный в двадцатых годах прошлого века, когда молодая Советская республика приняла решение построить и поставить по всей стране сотни и тысячи памятников вождям революции, пламенным борцам за свободу и деятелям марксизма.

Собственно, памятники им начали возводить буквально с самых первых дней революции, но тогда под рукой не было достаточно прочных материалов, и первые памятники знаменитым революционерам вскоре начали разрушаться.

Тогда и организовали этот завод на базе частной литейной мастерской.

Здесь после войны заново создали знаменитую статую Самсона для Петергофского каскада, восстановили и многие другие статуи и памятники, но основными изделиями «Монументскульптуры» были бесчисленные памятники Ленину, Марксу, Энгельсу и прочим вождям мирового пролетариата.

Заказов на эти памятники было множество — ведь не только каждый самый маленький городок районного подчинения, не только каждый поселок городского типа должен был иметь как минимум один

памятник Ленину, возвышающийся на центральной площади или перед железнодорожным вокзалом: такие памятники стояли в школах и на заводах, в институтах и больницах.

Прошло время, марксизм-ленинизм перестал быть единственно верным учением, и заказы на памятники вождям пролетариата прекратились. И даже те памятники, которые были заказаны и изготовлены, никто не спешил забирать. Во дворе завода выделили большой участок, куда составили всех этих невостребованных вождей. И уже долгие годы здесь, под дождем и снегом, стояли в полном беспорядке, как солдаты отступающей армии, десятки бронзовых и гранитных Марксов и Энгельсов, Кировых и Свердловых, Куйбышевых и Дзержинских и многие сотни Ульяновых-Лениных.

Правда, в последние годы среди обеспеченных людей появилась странная мода ставить памятники вождям пролетариата на своих загородных участках, и руководство завода сумело продать домовладельцам несколько монументов, но эта мода продержалась недолго, и бронзовая армия на заводской территории не потеряла и половины своего личного состава.

Именно на этот участок, заставленный невостребованными бронзовыми и гранитными вождями, попал, проникнув на завод, бритоголовый человек. Он уверенно шел среди Лениных и Марксов к какой-то хорошо известной ему цели.

Вдруг за его спиной раздался окрик:

— Стой!

Мужчина замер и обернулся, но не увидел никого, кроме бесчисленных монументов.

— Где... где вы?... — проговорил он, внезапно почувствовав странную слабость и страх.

— Мы везде, — ответил ему гулкий неживой голос, и несколько бронзовых статуй, сдвинувшись со своих мест, медленно приблизились к бритоголовому.

— Мы везде — и нигде, разве ты еще не запомнил? — и статуи гулко рассмеялись.

Теперь они стояли, окружив бритоголового плотным кольцом, — бородатый Маркс, Ленин в неизменной кепке, Дзержинский в долгополой шинели, круглолицый Киров и затесавшаяся в эту мужскую компанию женщина: то ли Инесса Арманд, то ли Жанна Лябурб, то ли вообще Роза Люксембург.

— Я никак не могу привыкнуть к вашему чувству юмора, — проговорил бритоголовый.

Он достал из кармана клетчатый платок и вытер выступившую на лбу испарину.

— А ты и не должен к нему привыкать, — ответил бронзовый Дзержинский. — И мы пригласили тебя вовсе не для того, чтобы шутить. У нас есть для тебя поручение.

— Я слушаю вас.

— До нас дошли сведения, что в городе всплыл один очень важный артефакт. Артефакт, принадлежавший одному из великих мастеров прошлого. Ты должен найти его, должен завладеть им, чего бы это ни стоило! Обладание этим артефактом поднимет роль нашей ложи, она выдвинется в первый ряд, а ты...

— А я? — переспросил бритоголовый взволнованно.

— Ты получишь звание мастера и будешь с почетом принят Великой Черной ложей Севера.

— Я сделаю все, что от меня зависит, мастер! — негромко проговорил бритоголовый. — Что это за артефакт? Где его искать?

— Тсс! — Одна из статуй прижала палец к губам. — Охрана!

И впрямь неподалеку раздались приближавшиеся шаги и приглушенные голоса.

Бритоголовый встал рядом с бронзовым Дзержинским, вытянул руки по швам и замер, словно окаменев.

Голоса приближались, и вскоре появились двое мужчин в униформе охранников.

— Чего их охранять-то? — недовольно говорил тот, что помоложе. — Чай, не разбегутся!

— Порядок такой! — возразил второй, постарше. — А вдруг им за водкой сбегать приспичит?

— Что?! — Молодой охранник уставился на напарника и вдруг захохотал. — Шутишь, Степаныч! За водкой!

— А что? — Степаныч огляделся и показал на один из памятников. — Вот этот, к примеру, явно был не дурак выпить!

— А кто же это такой? — заинтересовался парень. — Не Ленин, не Маркс... Вроде его здесь вчера вообще не было!

— Да чего ты несешь? Ты что, всех их помнишь? Это, я так думаю, Котовский. Видишь, побрит наголо!

— Котовский? — переспросил парень. — Кто такой, почему не знаю?

— Потому что ты серый, — раздумчиво ответил Степаныч. — Серый и необразованный. Котовский — это герой Гражданской войны... голову наголо брил.

— Как Бондарчук, что ли? — переспросил молодой.

— Сам ты Бондарчук! Ну ладно, пойдем дальше, нам еще ходить и ходить!

Охранники удалились. «Котовский» размял затекшие руки и повернулся:

— Они ушли! Сколько еще нам придется таиться, прятаться, пугаться каждого шороха?

— Недолго! — ответил ему мертвый голос. — И многое зависит от тебя, от того, как ты выполнишь наше поручение!

— Так что это за артефакт?

Одна из статуй приблизилась к нему, превратившись в живого человека, и протянула плотный конверт:

— Все, что тебе понадобится, — здесь. Фотографии самого артефакта и все сведения, которыми мы располагаем. Здесь, конечно, не все, но ты должен проявить свои способности, ведь на кон поставлено очень много. От твоего усердия, от твоей ловкости зависит и судьба логи, и твоя собственная карьера. Если ты удачно справишься с этим делом, возможно, ты будешь представлен Ему...

— Великому мастеру? — взволнованно переспросил бритоголовый.

Ответа не последовало.

Он огляделся по сторонам — но вокруг были только статуи, безмолвные бронзовые и гранитные изваяния.

— Куда ты поставил мейсенскую пастушку?

Леша вздрогнул и оторвался от книги. Момент был самый неподходящий — частный детектив уже подбирался к разгадке кошмарного убийства.

— Что, Алексей Арнольдович? — переспросил он хозяина.

— Еще и глухой! — Старик возвел глаза к потолку. — Нет, никогда нельзя брать на работу родственников!

— Я не глухой, — надулся Леша. — Я просто отвлекся... задумался... замечтался...

— Задумался? — старик фыркнул. — По-моему, думать ты вообще не умеешь, отвлекаться тебе не от

чего, а мечтать не о чем. Ну так все же, куда ты поставил мейсенскую пастушку?

— Это такую кудрявую, в розовом платье, с овечкой?

— Ну да! — раздраженно проговорил старик. — Кудрявую! В розовом! С овечкой! Господи, это просто ужас!

— Да вот же она, в левом шкафу на второй полке! — гордо сообщил Леша. — Видите, никуда не делась! На месте ваша пастушка!

— На месте? — старик побагровел. — Спрашивается, какого черта ты ее сюда поставил?

— Как — какого? — Леша обиделся. — Она же в розовом, и здесь все розовое!

— Розовое! — старик всплеснул руками. — Господи, за что мне это?!

— А что не так?

— Да все, все не так! Ты можешь, наконец, запомнить, что в левом шкафу у меня Франция! Знаешь такую страну?

— Конечно, знаю! — Леша обиженно надулся. — Я что, по-вашему, совсем дикий?

— По-моему, да! — вздохнул старик. — Если ты поставил мейсенскую пастушку в левый шкаф, значит, ты не отличаешь Францию от Германии. Франция — это Севр, Лимож, Лилль...

— Но там же все розовое! — уперся Леша.

— Боже мой, с кем приходится работать! — Алексей Арнольдович схватился за голову.

Леша был его племянником. Не родным — двоюродным, сыном его младшей двоюродной сестры Ариадны. Но родных сестер или братьев у Алексея Арнольдовича не было, так что Ариадна была его ближайшей родственницей. И когда она попросила, чтобы он взял ее непутевого сына к себе в магазин, он не смог ей отказать.

— Я даже назвала его в твою честь — Алексеем! — с пафосом заявила Ариадна, и он согласился, хотя прекрасно знал, что это вранье и сестра назвала сына вовсе не в его честь, а в честь своего любимого актера Алексея Баталова.

Правда, одной из главных причин, почему Алексей Арнольдович взял племянника в свой магазин, было катастрофическое отсутствие достойных кадров. Ариадна и завела-то разговор после того, как он пожаловался на очередного продавца, которого накануне пришлось уволить за мелкое воровство.

— Возьми к себе моего Лешу! — попросила брата Ариадна. — Пожалуйста, возьми! Он тебя, по крайней мере, не обворует. Леша — исключительно честный мальчик! И книжки любит!

Может быть, он и честный, но исключительно глупый. И серый. И еще — страшно неуклюжий. На прошлой неделе умудрился уронить немецкого фаянсового ангела, отбил ему крыло. Правда, Алексей Арнольдович удачно продал ангела, сообщив покупателю, что крыло ему отбили протестанты в шестнадцатом веке. Тем самым ангел стал на триста лет старше и в три раза дороже.

И насчет книжек — тоже сомнительно. Леша читал исключительно детективы в затрепанных мягких обложках, причем иногда так увлекался, что забывал обо всем: о посетителях магазина, об охранной сигнализации, о порядке...

— Так вот, постарайся запомнить, — в десятый раз повторил антиквар. — Если ты, конечно, хочешь и дальше работать в моем магазине! Вся Германия у меня в правом шкафу. Мейсен — на верхней полке, на второй — Берлинская мануфактура, на третьей — Бавария... По-моему, все не так сложно. Ты сможешь это запомнить?

— Я постараюсь... — пробормотал племянник и вновь уткнулся в свою книгу.

— Да уж постарайся! И еще... я уезжаю на охоту, так что ты остаешься в магазине один, будь внимательней и отложи свою книгу. Она никуда не денется.

Охотой Алексей Арнольдович называл поездки по всевозможным развалам и барахолкам, которые он совершал раз в неделю в надежде найти там что-нибудь интересное.

И впрямь среди сломанных утюгов, бабушкиных мельхиоровых вилок и жутких целлулоидных кукол с лицами серийных убийц и маньяков иногда случайно попадался неплохой бронзовый подсвечник восемнадцатого века, стеклянная скандинавская рамочка для фотографий в стиле модерн или китайская фарфоровая статуэтка. Правда, с каждым годом такие находки случались все реже, но антиквар не хотел отказываться от многолетней привычки.

— Вот еще что, — вспомнил он уже у самой двери. — Должен зайти человек от Загряжского за французской табакеркой. Отдашь ему, она лежит в верхнем ящике.

— Сколько она стоит? — осведомился племянник.

— Десять тысяч.

Дверь за антикваром захлопнулась, и Леша тут же выкинул из головы все его наставления и опять уткнулся в книгу.

Частный детектив собрал всех подозреваемых в гостиной и собирался назвать им имя убийцы. Сам Леша думал на дворецкого и хотел проверить свою догадку, но тут, как всегда не вовремя, звякнул дверной колокольчик и дверь магазина открылась.

Леша с тяжелым вздохом убрал книгу в ящик. Он решил, что вернулся Старик — то ли что-то забыл,

то ли надумал проверить его, Лешину, бдительность и преданность делу.

Про себя Леша называл хозяина исключительно Стариком, хотя тому было немногим больше пятидесяти.

Но это был не антиквар.

В магазин, настороженно оглядываясь, вошла высоченная девица.

Девица была так себе — она немного сутулилась, видимо, стесняясь своего высокого роста, волосы были неопределенного цвета, к тому же ни длинные, ни короткие. Одета тоже простенько — короткая невзрачная курточка, короткая юбка...

Что у нее было хорошо — это ноги, длинные, с тонкими изящными щиколотками. На ногах — балетки. Еще бы — она и без каблуков выше любого парня будет, каланча пожарная! Леша уж точно оказался бы ей по плечо. Несмотря на то, что полагалось девице смотреть на всех свысока, вид у нее был растерянный, как будто она была удивлена тем, что оказалась в этом магазине. Возможно, она и правда первый раз в жизни попала в антикварный магазин.

— Я вам чем-то могу помочь? — с важным видом проговорил Леша, подражая Старику.

— Да... пожалуй, можете... — Девица, все так же растерянно оглядываясь, подошла к прилавку, наклонилась над ним, разглядывая безделушки. — Мне нужен подарок.

— Для любимого человека? — проникновенным голосом произнес Леша. Эту фразу он недавно вычитал в детективе. Правда, тут же он вспомнил, что продавца, который это сказал, убили к середине книги. Настроение у него испортилось. Тем более что у девицы явно не было любимого человека. Как ни плохо Леша разбирался в людях — еще хуже, чем

в антиквариате, — но с девицей все было ясно с первого взгляда.

— Нет, что вы! — девица отшатнулась, как будто он сказал ей что-то ужасное. — Это шеф... начальник... все сотрудники скинулись на подарок... Понимаете, у него день рождения... и мы всегда стараемся как-то это отметить...

— Понимаю, дружеская вечеринка с шампанским и пирожными, так? — Леша улыбнулся, как умудренный жизнью человек. — Все поют «хеппи бёздей», чокаются бокалами и целуются...

— Нет, что вы! — Было похоже, что она всерьез испугалась, представив такую картину. — Мы просто поздравим его, вручим подарок, пожелаем всего наилучшего... В общем, мне поручили подобрать что-то оригинальное...

— Оригинальное? — Леша сделал вид, что задумался, и поставил на прилавок ту самую розовую пастушку. — Вот, замечательный подарок, настоящий Мейсен.

Сегодня он впервые услышал это слово, и оно ему понравилось. Оно звучало очень солидно и респектабельно.

— Не знаю, вряд ли ему понравится такая статуэтка... — Девица повертела пастушку в руке, увидела ценник, ахнула и поставила ее обратно. — Нет, это слишком дорого! И потом... может быть, лучше что-нибудь такое... практичное. То есть то, что можно как-то применить...

— Практичное? — Леша достал из витрины нож с инкрустированной перламутром ручкой. — Вот, очень полезная в хозяйстве вещь. Можно точить карандаши...

— Нет, что вы! — девица отшатнулась. — Ножи нельзя дарить, это плохая примета!